

«Письмовник» использован очень откровенно — местами анекдоты Громов переносил в свою книгу под ряд, только в обратном порядке (№№ 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 23, и т. д. Громова соответствуют №№ 318, 313, 312, 297, 290, 289, 285, 286, 281, 280, 279, 266, 247, 237, 229, 199 и т. д. в «Писмовнике» Курганова). Для доказательства текстового совпадения приведем только один пример из десятков:

«Молодец женился сказал своей жене на первой ночи: ежели бы я тебя так знал прежде, то бы никогда на тебе не женился. Это правда, отвечала она, я сама то думала; потому что меня прежде раз пять уже обманули, и я опасалась более в такой обман даваться» (Курганов, № 286).

«Один молодец сказал своей жене на первой ночи: ежели бы я так знал тебя прежде; то бы отнюдь на тебе не женился. Это правда, отвечала она, я сама то думала; потому что меня уже раз пять прежде обманули; и я опасалась более в такой обман вдаваться» (Громов, № 11). «Достопамятные положения» Громова у Курганова называются «Достопамятные речи». Пословицы Громова все до одной взяты из Курганова; своих он не прибавлял. Песни заимствованы из «Собрания разных песен» Чулкова.

Анекдоты, приводимые Чулковым, ближе всего подходят к анекдотам «Писмовника». Но в то время как Курганов располагает их в хрестоматийном порядке, Чулков в ряде случаев создает из анекдотов своеобразный монтаж, звучащий новым содержанием. Однако до этого смысла надо добраться; тот же, кто был не в состоянии этого сделать, мог воспринимать анекдоты каждый в отдельности. Часть из них и печаталась Чулковым «на подверстку», заключая номер или отдельную статейку, оканчивавшуюся на середине страницы.

В 46-й неделе «И то и сьо», 17 ноября, Чулков вступает в беседу с читателями: «А-пропо, что же это такое, то истинну сказать, сам я сего не знаю. . . Господин читатель, доброе дело, что я имею счастливый случай еще с тобой свидеться. . .» Далее он просит великодушно простить его слабости, «припомня сие, будет де и такое время, что мы не только сего, но и всех еженедельников не увидим». Это уже не намеки, а довольно ясное указание на какие-то цензурные трудности. За этим следует общий с Кургановым анекдот про художника Аппеллеса, против обыкновения изобразившего фортуну сидящей и в свое оправдание заявившего, что и летающая фортуна должна когда-нибудь иметь покой. Далее авторский текст: «Если небо на кого свой гнев напустит, то тот не токмо человеку, но и скоту игрушкою бывает. Сие выговорил я с намерением», — прибавляет Чулков и в заключение рассказывает анекдот, приводимый Кургановым, о короле Людовике, назначившем глупого человека в совет и на возражения заметившем: «Неужели столько умных людей одного глупого исправить не могут».

Ко всем этим иносказаниям и выпадам можно дать фактическую справку: в № XXX «Трутица» от 17 ноября помещены копии с отпи-